

Н. В. ПАТРОЕВА

А. А. ЛЕБЕДЕВ

*(Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Россия)*

УДК 821.161.1-1(Вяземский П. А.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,445

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПРИЕМ И ЭЛЕМЕНТ ИДИОСТИЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ И ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК П. А. ВЯЗЕМСКОГО)³⁶

Аннотация. В статье рассматриваются основные приемы языковой игры, характерной для творчества П. А. Вяземского. Тонкий языковой вкус и блестящее гуманитарное образование позволяют поэту пушкинской эпохи более глубоко осмыслить речевые факты и процессы эпохи борьбы между «старым» и «новым» слогом. Тексты автобиографической прозы Вяземского, его дневниковые записи и поэтически произведения демонстрируют многочисленные примеры деформаций языковой нормы, неологизмов, «игры» с формами и значениями слов.

К числу наиболее актуальных для поэзии Вяземского приемов языковой игры по результатам исследования следует отнести контаминацию прямого и переносного смыслов, обыгрывание паронимов, обыгрывание внутренней формы слов, игру омонимами, изменение порядка слов, грамматическую антитезу, трансформацию фразеологических оборотов. Контексты Вяземского, в которых проявляются элементы языковой игры, обладают большей выразительностью и яркостью, привлекая к себе внимание читателя.

Использование подобных приемов усиливает комическое и эмоциональное начало поэтического и дневникового дискурса, создает иронический подтекст. Таким образом, языковая игра становится важным экспрессивным приемом и неотъемлемым элементом идиостиля творчества П. А. Вяземского.

Ключевые слова: языковая игра, П. А. Вяземский, идиостиль, трансформация фразеологических оборотов.

В рамках данной статьи мы ставим задачу определения некоторых особенностей индивидуальной речевой манеры одного из

---

³⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

выдающихся поэтов «золотого века» русской литературы – П. А. Вяземского, в творческом наследии которого важную роль играют как жанр автобиографической прозы, так и стихотворные произведения: сохранилось 38 записных книжек поэта, пополнявшихся новыми сведениями с юношеских лет и до последних дней (1813-1878 гг.), а также большое количество стихотворений.

Многообразии записей Вяземского с точки зрения тематики и композиционно-речевых форм повествования: путевые заметки, политические, философские, морально-этические суждения, альбомы стихов, хозяйственные записи, копии важных документов, афоризмы, анекдоты, выписки из прочитанного и пр. – объединяет высокая цель – необходимость изучения прошлого, передача культурного наследия и жизненного опыта, воспитание и просвещение будущих поколений, восстановление связи времен. П. А. Вяземский, «звезда разрозненной плеяды», по образному определению Е. А. Баратынского, с горечью ощущал, как постепенно после заката карамзинской и пушкинской эпохи уходит в небытие целый пласт русской духовной жизни, и всеми силами стремился противостоять совершавшемуся на его глазах разрыву с дорогим для него минувшим.

Вяземский беспокоился о судьбе русского литературного языка в современной ему России и стремился не допустить излишних нарушений устоявшихся норм, направляя свое сатирическое перо и на новейших писателей. Воспитанный на лучших образцах классической русской и зарубежной литературы, получивший блестящее гуманитарное образование, Вяземский намеренно сталкивал разные функциональные речевые сферы, прибегал к стилистическим сбоям, таким образом демократизируя литературный язык с опорой на его лучшие традиции. При этом лингвистическая компетенция Вяземского была поддержана знанием многих иностранных языков – французского, немецкого, польского, итальянского, английского, классических. Не случайно языковая рефлексия поэта, свидетеля и участника споров о языке между сторонниками «старого» и «нового» слога, «архаистов» и «новаторов», активно выплескивается на страницы его «Записных книжек»: автор неоднократно высказывает суждения относительно каких-либо языковых явлений, оценивая

ет собственную речь и чужое слово, передает наблюдения над современной ему языковой ситуацией, стремясь осмысленно пользоваться ресурсами языка в соответствии с той или иной коммуникативной и эстетической установкой.

Придуманнные «на случай» и «на ходу» окказионализмы характеризуют не только поэтический стиль Вяземского, но и слог "Записных книжек" и "Автобиографического введения" ("чин-нехонько" [Вяземский 1992: 106], "патриотизировал" [Вяземский 1992: 140], "языколомание" [Вяземский 1992: 198]); иногда встречаются примеры метаязыковой рефлексии автора в форме авторского комментирования изобретенных слов с использованием лингвистической терминологии: "Позволю себе неологизмы, то есть прибавления к словарю Российской Академии; но по крайней мере вольности мои не произвольны, а вытекают обыкновенно из самого состава и наказа языка. Например,.. за несколько строк пред сим употребил я слово *сытность*, которого нет в наших словарях, даже у Даля, а этому слову следует быть, потому что есть слово *сытный*. *Сытность* имеет другое значение: *сытность* может произвести *сытость* - то есть что-то вроде пресыщения. Я полагаю, что почти все прилагательные наши могут быть преобразуемы в существительные нарицательные. Почему из слова *прекрасное* не сделать нам слово *прекрасность*, как мы из *будущее* вывели *будущность*; прекрасность выражает свойство красоты" [Вяземский 1992: 315].

Тонкое языковое чутье и остроумие Вяземского не подводят его при создании фигур комического, хотя о себе поэт с сожалением замечает: "А у меня ведь много острых слов пропадающих, и странное дело, я не слышу остряком" [Вяземский 1992: 107]. Часто прибегает Вяземский к различного рода каламбурам, умелой игре³⁷ значениями и формами слов:

1) контаминация прямого и переносного смыслов: "... *царевбийство* не было совершено. Все оставалось на словах и на бумаге... Вы не дадите Георгиевских крестов за одно намерение и в надежде будущих подвигов: зачем же казните преждевременно и *убийственную болтовню* ... ставите Вы на одних весах с *убий-*

---

³⁷ О различных приемах языковой игры см., напр.: [Гридина 1996], [Санников 2007].

ством уже совершенным" [Вяземский 1992: 81-82]; в стихотворном контексте: *Сани* здесь – подобной дряни Не видал я на веку; *Стыдно сесть в чужие сани* Коренному русаку [Вяземский 1986: 301], – можно наблюдать не только контаминацию смыслов, но и – как результат – буквализацию фразеологического значения, создающую своеобразный каламбур – в сознании читателя «сани» могут восприниматься и как собственно материальный объект, и как знак определенной культурно-исторической принадлежности, маркирующий «свое» и «чужое»;

2) игра омонимами: "... лошадь государя и карета, в которой сидела красивая дама, останавливались друг перед другом. <...> Тогда не были еще в ходу *исторические романы*. <...> Но мы, как-то самоучкою, дошли до понятия, что могут быть *исторические* и *державные романы*" [Вяземский 1992: 283]; в стихотворении «Выдержка» Вяземский отмечает: «Мой ум – колода карт», и в дальнейшем строит целую строфу на омонимии названий карточных мастей и жизненных реалий:

В моей колоде по мастям
Рассортированы все люди:
Сдаю я желуди, иль *жлуди*,
По вислоухим игрокам;
Есть *бубны* – славным за горами;
Вскрываю *вины* для друзей;
Живоусопшими творцами

Я вдоволь лакоблю *червей*. [Вяземский 1986: 205];

3) обыгрывание общей внутренней формы (корневого родства) слов: "... фанатизм ... в самом начале своем есть уже *исступление* или *выступление* из границ обыкновенного" [Вяземский 1992: 75]; "Вся государственная процедура заключается у нас в двух приемах: в *рукоположении* и *рукоприкладстве*" [Вяземский 1992: 232]; "... я только и хлопотал о том, чтобы ... оказываемые мне милости обращались в *наличные* награждения, а не *личные*" [Вяземский 1992: 253]; "... наши политические *репортеры* слишком *зарапортуются*..." [Вяземский 1992: 305];

4) обыгрывание паронимов – сходнозвучающих слов: "Мой *морганический* союз рушился. Леди Морган и племянница уехали..." [Вяземский 1992: 198] – окказионализм "морганический"

от фамилии Морган и узуальное прилагательное "морганатический" (брак); "Я сегодня читал указ о Шервуде. Правительство превозносит его подвиг и придает его имени в вечное и потомственное владение прозвание *верный*. <...> Не оттого ли он и *верный*, что сыграл на *верное*? Успех заговорщиков был сомнителен: его успех, выдавая их правительству, был математической очевидности. <...> По вашей совести *Шервуд верный*, а по нашей того мало; должно еще придать две буквы и разрешить на этот раз ошибку правописания" [Вяземский 1992: 69-70] (так Вяземский создает сатирическую фигуру умолчания, зашифровывая политически неблагонадежную замену *верный* на писавшееся через *ять скверный*);

5) грамматическая антитеза: "тот *в бочке* прожил век, а наш свой прожил *с бочкой*" [с. 57] (С. С. Бобров противопоставляет древнегреческому философу Диогену, и в то же время Вяземский намекает на склонность адресата сатиры к употреблению алкоголя); "Спрошу: не больше ль правды в том, // Что вовсе не *от обезьян*, // *А в обезьяны* мы идем?" [Вяземский 1986: 406];

6) грамматическая трансформация и контаминация фразеологических оборотов. Одновременные вставка и элиминация частиц могут способствовать замене в обороте противопоставительных связей соединительными (в сравнении с узуальным «не в бровь, а в глаз») и буквализации фразеологического значения с целью усиления эмоционального воздействия на читателя, как в стихотворении «К Илличевскому»:

И встречных ты и поперечных

Коли и *в бровь* и *прямо в глаз*. [Вяземский 1986: 208]

В стихотворении «Важное открытие» находим оборот «в бровь, не прямо в глаз»:

Сказал я как-то мимоходом,

И *разве в бровь, не прямо в глаз*,

Что между авторским народом

Шпионы завелись у нас... [Вяземский 1986: 281]

В результате перестановки и вставки частиц в противопоставительном фразеологизме значение оборота меняется на ему противоположное.

Фразеологизм «делать из мухи слона» приобретает несколько «странноватый» облик в стихотворении «Выдержка»:

Тот ставит свечку злomu духу,
Впрок не пойдет того казна,
Кто легкоумье *ловит в муху*,
Чтоб *делать* из нее *слона*. [Вяземский 1986: 205]

Вероятно, здесь наблюдается еще один вид трансформации оборотов – контаминация двух фразеологизмов: «ловить мух» (от фр. *beer aux mouche* – буквально «разинуть рот на муху» или «разинуть рот в муху») – бездельничать, и «делать из мухи слона» – преувеличивать. Подобные существенные применения «затемняют», «остраняют» привычный контекст и выводят восприятие внешнего адресата стихотворения из автоматизма при «дешифровке» художественного текста;

7) юмористически окрашенное изменение порядка слов, влияющее на смысл сказанного: "В сем письме, между прочими ошибками, замечательна следующая: *все почти виновники*, вместо *почти все виновники*. И точно, в числе было не мало *почти виновников*" [Вяземский 1992: 234].

В результате применения различных игровых приемов поэту удается достичь важных стилистических эффектов – усиления комического начала, эмоционального воздействия на читателя, создания иронического подтекста. Эти контексты Вяземского, в которых употребляются обыгрываемые элементы структуры и семантики текста, сразу же привлекают к себе внимание читателя, более выразительны и ярки. Особая сила и мудрость поэтических произведений П. А. Вяземского, сочетание необычной, порой нарочито сложной синтаксической структуры³⁸ с не менее глубоким внутренним содержанием, возможно, сыграли злую шутку с поэтом. Интеллектуальность поэзии в сочетании с семантико-конструктивной глубиной стиха стали значимой чертой поэтического творчества Вяземского. Суждения П. А. Вяземского о родной речи не утратили своего значения и почти два столетия спустя, а виртуозное владение русским и иностранными языками, поэтическим и прозаическим слогом позволяют высоко оценить талант Вяземского – писателя и критика, предугадавшего негаснущий интерес будущих поколений читателей к своему творческому наследию: "Легко может статься, что мно-

---

³⁸ О синтаксисе П.А. Вяземского см. [Лебедев 2013]

гое из ныне животрепещущего и господствующего не переживет века и дня своего. Другое, ныне старое и забытое, может очнуться позднее. Оно будет источником добросовестных изысканий, училищем, в котором новые поколения могут почерпнуть если не уроки, не образцы, то предания, не лишённые занимательности и ценности не только для нового, настоящего, но и для будущего. <...> Иное старое может оставаться в стороне и в забвении; но тут нет ещё доказательства, что оно устарело; оно только вышло из употребления. Это так, но запрос на него может возродиться" [Вяземский 1992: 267].

ЛИТЕРАТУРА

Вяземский П. А. Записные книжки. – М., 1992.

Вяземский П. А. Стихотворения. – М., 1986.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Лебедев А. А. Идиостиль П. А. Вяземского: синтаксический аспект. – Петрозаводск, 2013.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 2007.

©Патроева Н. В., 2018

©Лебедев А. А., 2018